

Р. МАНН

Свадебные мотивы в «Слове о полку Игореве»

Музыкальный аккомпанемент, которым сопровождаются битвы и победы в «Слове о полку Игореве», — один из самых уникальных элементов этого замечательного памятника древней русской культуры. Дважды упоминаются поющие девицы, славящие то русских, то иноземных князей, — первый раз в истолковании сна Святослава боярами:

Уже снесся хула на хвалу, № 1
уже тресну нужда на волю,
уже врьжеса дивъ на землю.
Се бо Готоскія красныя дѣвы въспѣша
на брезѣ синему морю,
звоня Рускымъ златомъ.
Покутъ время Бусово,
лелѣють мечь Шарокаю,
а мы уже, дружина,
жадни веселія.¹

Еще раз появляются поющие девицы под самый конец «Слова», где их песни сопровождают возвращение Игоря из плена:

Дѣвици покутъ на Дунай: № 2
вьются голоси чрезъ море до Кіева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву
къ Святѣй Богородици Пирогошей.
Страны ради,
гради весели,
пѣвшие пѣснь старымъ княземъ,
а по томъ молодымъ.

Здесь вместе с девицами выступают города и целые народы, прославляющие русских князей своими песнями.

Такой же грандиозной картиной поющих народов заканчивается описание похода Святослава, во время которого был взят в плен половецкий хан Кюбьяк:

Ту Нѣмци и Венедици, № 3
ту Греци и Морава
покутъ славу Святѣславлю,
какутъ Князя Игоря,
иже погрузи жиръ
во днѣ Каялы.
Рѣкы Половецкія
Рускаго алата насыпаша.
Ту Игорьъ Князь
высѣдъ изъ сѣдла злата,
а въ сѣдло кощіево.
Уныша бо градомъ забрали,
а веселіе пониче.

¹ Здесь и далее текст «Слова» цитируется по первому печатному изданию (см.: Л. А. Д м и т р и е в. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960). Разбивка строк и пунктуация — моя. Изменены лишь явные описки, которые затрудняют чтение.

Музыкальные образы также завершают собой изображение смерти Изяслава Васильковича на поле битвы:

Унылы голоси,
понице веселіе,
трубы трубують Городеньскіи. № 4

Отступление о полоцком князе Всеславе также заканчивается музыкальным мотивом, хотя текст в данном случае дефектен:

Се бо нынѣ сташа стязи Рюриковы,
а друзіи Давидовы,
въ рози но ся имъ хоботы пашуть. (?) № 5
Копіа поють на Дунаи.

В конце «Слова» города играют певческую роль наряду со странами и дунайскими девицами (см. вышеприведенную цитату № 2). Города же создают эпическим событиям музыкальный аккомпанемент еще в начале повести, в словах, приписываемых Бояну:

Комони ржуть за Сулою.
звенить слава въ Киевѣ,
трубы трубують въ Новѣградѣ,
стоять стязи въ Путивль. № 6

Под звенящей в Киеве «славой» скорее всего имеется в виду величальная песня, или песня славы, древней Руси.

Все вышеприведенные музыкальные мотивы, за исключением последнего, завершают собой определенную часть повести (отступления о Святославе, Изяславе и Всеславе, повествование бояр и заключительную часть повести). Эта функциональная общность, вместе с многочисленными тематическими и текстуальными взаимосвязями, указывает на единую образную систему, которая породила данные мотивы.

Между тем образная система эта восходит своими корнями к восточнославянскому свадебному обряду. В основе мотива поющих девиц, народов и городов в «Слове» лежит обычай величания присутствующих на свадьбе девушками.² Ритуал этот имеет свои местные разновидности, но обычно он состоит в том, что девушки поют величальные песни, хвалящие как гостей на свадебном пиру, так и непосредственных участников обряда (жениха, невесту и т. д.). Пропев такую песню, девушки подносят гостю (или жениху и т. д.) стакан пива. Гость же должен опустить несколько монет в стакан, а потом выпить пиво. (В некоторых местностях девушки сами выпивают пиво). Тогда девушки вынимают из стакана деньги и делят их между собой, а если награда покажется им недостаточной, то они могут спеть гостю издевательскую, «корильную» песню. Вот пример такой песенки:

Как у Филиппа-то жена,
Не пригожа да не корыстна,
Што кривое коромысло:
Как Филипп-то сам урод,
Ротозея, криворот,
Сам шестом,
Голова пестом,
Харя пряслицею,
Глаза раковицею.³

² Описаний русского свадебного обряда много. См.: П. В. Киреевский. Песни, вып. 1—2. М., 1911—1929; Н. П. Коплякова. Лирика русской свадьбы. Л., 1973.

³ П. В. Киреевский. Песни, вып. 1—2, № 890.

Среди крестьян в XIX в. наиболее распространенное слово для пения такого рода песен было, кажется, «корить», но в некоторых местах употреблялся глагол «хаять»:

Уж ты станешь нас дарить, —
 Станем мы тебя хвалить;
 А не станешь нас дарить,
 Станем хаять и бранить.⁴
 Ты не мог, да добрый молодец,
 Не мог вытолочь, ни вымолотъ, —
 Под окошечком повыпросить!
 Ты пустой мошной потряхивашь,
 Ты грошом одним позванивашь. . .
 Ты полушкой похваляешься,
 Ты медюшкой пробавляешься!
 Пусторечия не баяла —
 Тебя молодца похаяла!⁵

Пение славы Святославу немцами и другими народами (см. № 3) соответствует пению свадебных величальных песен девушками, между тем как «каяние» Игоря связано с «хаянием» скупого жениха или гостей на свадебном пиру. «Кают» Игоря после того, как он погружает народные богатства в реку Каялу, подобно тому, как девушки на свадьбе «хаяют» злополучного гостя после того, как он опускает свою плату в стакан пива. Игорь со своим войском наполняют половецкие реки русским золотом. Этот образ также восходит к свадебному обычаю награждения девиц.

Конечно, свадебный обряд величания гостей отличается от данного мотива «Слова» тем, что на свадьбе величают и корят одного и того же человека, тогда как в «Слове» поют славу одному князю, а кают другого. Но основная последовательность действий в свадебном обряде (величание, награждение певиц, «хаяние») послужила образцом в создании этого мотива. Вместо девиц поют в «Слове» целые народы. Поют же они не жениху или свадебному гостю, а русским князьям. Вместо нескольких монеток, опускаемых в свадебную чашу, огромное количество золота опускается русским войском в иноземные реки. Действие рассматривается как будто с горной вершины — так, что события мирового масштаба представляются как свадебное празднество.

Последние две строки цитаты № 3 являются вариантом формулы, состоящей из двух первых строк цитаты № 4. В обоих случаях формула «веселіе пониче» (или «пониче веселіе») следует за фразой с глаголом «уныти» в прошедшем времени. Различаются же данные отрывки тем, что «унывают» голоса в одном, а городские стены в другом. Естественно говорить об унылом голосе, а говорить об «унывших стенах» можно только метафорически. Следовательно, надо думать, что метафора «Уныша бо градомъ забрали» возникла на основе формулы типа «Унылы голоси» (см. № 4), т. е. городские стены заменили голоса. Стены городов унывают вместо голосов поющих народов. Этот образ продолжает развернутую метафору битвы-свадьбы предшествующих строк, причем города, как и страны, соответствуют свадебным певицам. Городские стены, подобно «унылым голосам» в цитате № 4, соответствуют голосам свадебных певиц.

Изображение готских девиц, поющих на берегу моря в цитате № 1, представляет собой другой вариант свадебного мотива поющих народов. Метафора «Уже снесся хула на хвалу», вероятно, восходит к свадебному обряду пения величальных и корильных песен. Поражение русского войска изображается как переход от величания к «хаянию» свадебного гостя. Этот вариант данного мотива ближе к свадебному обряду в том от-

⁴ Б. Соколов, Ю. Соколов. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, с. 380, № 263.

⁵ О. Х. Агренева-Славянская. Описание русской крестьянской свадьбы, ч. 2. 2-е изд. Тверь, 1896, с. 70.

ношении, что в нем прямо говорится о девицах. Готские девицы «звонят русским золотом» подобно тому, как свадебные певицы позванивают подаренными им монетами. Эти два варианта мотива поющих народов — единственные случаи, когда в «Слове» используется формула «русское золото». Нетрудно заметить генетическую связь между этими вариантами:

(Из № 1)	(из № 3)
Поють время Бусово, лельбють мечь Шароканю, а мы уже, дружина, жадни веселяя.	поють славу Святъславлю, кають Князя Игоря, пже погрузи жирь во днѣ Каялы.

Ритмическое сходство этих двух мест поразительно. Также обращают на себя внимание звуковые параллели в последних строках (и — же — у — жи/дн — ли). Близкое сходство этих пассажей, вероятно, объясняется тем, что один вариант возник на основе другого, или же тем, что оба варианта восходят к общему образцу.

Еще одна деталь объединяет эти два варианта мотива поющих народов. Это — метафорическая связь воды со свадебным вином. (Пиво и водку, которые для многих составляют главную достопримечательность русского свадебного обряда, я буду далее называть вином, как они и называются во многих свадебных песнях, плачах и т. п.). Игорь погружает русское золото в Каялу-реку и в половецкие реки, в то время как готские девицы позванивают русским золотом на морском берегу. Надо думать, что море, подобно Каяле-реке, ассоциируется со свадебным вином. Завидя готским девицам, поющим на берегу моря, бояре «жаждут» веселья подобно тому, как можно испытывать жажду к вину.

Немцы и другие народы поют славу старому Святославу, а потом обращаются к молодому Игорю. Готские девицы поют сначала о древнем Бусе, а потом о Шарокане, герое недавних событий. Подобно этому, страны и города, упоминаемые в конце повести, поют сначала «старым князьям, а потом молодым» (см. № 2). Связь поющих городов и народов со свадебными певицами в остальной части «Слова» заставляет думать, что корни мотива торжествующих стран и городов в этом отрывке лежат в том же свадебном обряде. То же можно сказать о дунайских девицах, появляющихся рядом с городами и странами в конце повести. Однако использование глагола «вити» в метафоре «вьются голоси чрезъ море до Кіева» напоминает троицкий и семицкий праздники, когда девушки свивают себе венки и бросают их на воду. Возможно, что мотив дунайских девиц возник под двойным влиянием свадебного обряда и весеннего праздника. В этой связи следует иметь в виду, что ритуал свивания венков связан со свадьбой тем, что, по народному поверью, девушка выйдет замуж за того, кто найдет ее венок.

Метафора «Копія поють на Дунаи» в конце отступления о Всеславе (см. № 5) является вариантом формулы «Дѣвици поють на Дунаи» (см. № 2). Поющие девицы заменились копиями при создании этого образа.

Труднее всего установить генетическую связь между свадебным празднеством и мотивом торжествующих городов в цитате № 6. Однако ввиду общего сходства между ним и другими мотивами торжествующих городов маловероятно, чтобы он не входил в ту же систему свадебных образов. Также следует обратить внимание на формулу «трубы трубятъ въ Новѣградѣ». Это — вариант формулы «трубы трубятъ Городеньскіи» в цитате № 4. (Замечательно между прочим звуковое соответствие в словах «Новѣградѣ» и «Городеньскіи»). А формула «трубы трубятъ Городеньскіи» в свою очередь входит в музыкальный мотив, связи которого со свадебной обрядностью доказываются с большей вероятностью (ср. № 4 с мотивом поющих городов в № 3).

Свадебные образы «Слова о полку Игореве» далеко не исчерпываются одними музыкальными мотивами. Вся повесть пронизывается длинным

рядом всяких метафор, возникших на основе песен, плачей и обрядов русской народной свадьбы. Общеизвестна, например, метафора битвы-пира в изображении последнего дня битвы Игоря с половцами. Но это лишь одно звено в длинной цепи подобных метафор. Следующая выдержка из «Слова» служит примером:

Дремлетъ въ полѣ
Ольгово хороброе гнѣздо.
Далече залетѣло!
Не было въ обидѣ порождено
ни соколу, ни кречету,
ни тебѣ, чръный воронь,
поганый Половчине!

Ср. следующий пассаж из свадебной песни:

Не орлы налетали —
Перепелочку взяли.
Перепелочку взяли,
Соколу отдали.
«Уж ты на, ясный сокол,
Младую перепелочку.
Не давай же в обиду
Младую перепелку
Ни орлам, ни орлицам,
Ни мелким-то ты пташкам».
.....
Бояра наезжали,
Красну девицу брали,
Красну девицу брали,
Молодцу отдавали.
«Уж ты на, молодец,
Уж ты на, удалой,
Молодую девицу,
Молоду красавицу.
Не давай-ка в обиду
Ни свекру, ни свекровке,
Ни деверьям, ни золовкам,
Ни чужим-то да людям».⁶

Надо еще добавить, что связь между музыкальными мотивами и свадебным обрядом подтверждается другими свадебными мотивами в непосредственном контексте. Например, мотив «унывших голосов» следует за метафорой, изображающей смерть Изяслава: «единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе». А эта прекрасная метафора основана на песенном тексте, в котором невеста «роняет слезы через золото и через жемчужное ожерелие». Эта устная формула просуществовала в разных видах и до наших времен:⁷

... Что повыдали меня
Не за милаго дружка;
Поразгалилась родина
На высокие хоромы,
На окрашены балконы,
На чищены самовары,
На хрустальные стаканы!
Не хочу я чаю пить, —
Тоски-горя не забыть!
Через чай я слезы лью,
Через золото роню,
Через золото роню,
Свою маменьку браню.⁸

⁶ И. Зырянов. Чердынская свадьба. Пермь, 1970, № 215.

⁷ Подробный анализ данного мотива читатель найдет в моей книге «Lances Sing», которая готовится к печати.

⁸ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. 7. СПб., 1897, № 757.

Родимая матушка, через год через два,
 Через год через два побывай у меня,
 Побывай у меня, посмотри на меня!
 На мое житье на богатство зятинно:
 Я по бархату хожу, по атласу гуляю,
 А на штоф, на парчу и смотреть не хочу,
 Но чрез золото, родна, часто слезы текут,
 Через крупный жемчуг ручьем катятся.⁹

Не плачь, не плачь, красная девушка,
 Не мочи сваю лица белова!
 — Я бы рада, мой друг, не плакала, —
 Через золото сами слезы катятся.
 Через жемчужное ожерельце. . .¹⁰

Более подробный обзор свадебных мотивов в «Слове» читатель найдет в моей книге «Lances Sing» (Копия поют).¹¹ Надеюсь, что настоящая статья возбудит у читателя интерес к проблеме истоков образной системы «Слова о полку Игореве».

⁹ А. Ф. Можаровский. «Свадебные песни Казанской губернии». — Этнографическое обозрение, 1907, № 1—2, с. 132—133.

¹⁰ Киреевский, № 2197.

¹¹ The Song of Prince Igor: Russia's Great Medieval Epic (Coronado Press, Lawrence, Kansas, 1979) дает краткий обзор новых материалов, найденных мною во время недавнего исследования связей между «Словом» и славянским фольклором.